

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.11.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-10-711-715

ОВАКАНЯН Л.К.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Высшая школа
государственного аудита (факультет),
аспирант кафедры компьютерного
права и информационной безопасности,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕТАВСЕЛЕННОЙ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация. Статья раскрывает понятийные основы и юридическую природу метавселенной как интегрированного виртуального пространства с эффектом непрерывного присутствия, где совмещаются социальные, экономические и гражданские практики. На основе эволюции феномена метавселенной анализируются правовые следствия для защиты персональных данных, кибербезопасности, юрисдикции и статуса цифровых активов. Показано, что иммерсивная биометрия, постоянный сбор сенсорных и поведенческих данных, а также децентрализованные реестры трансформируют классические категории права данных. Сопоставлены подходы Российской Федерации, Европейского Союза и США: от фрагментарной кодификации и приоритета цифрового суверенитета в России к комплексной адаптации существующих регламентов и стратегий ЕС и инструментальному применению действующего права и надзора в США. Обосновывается необходимость специальных правовых институтов иммерсивного согласия, распределённой ответственности для балансировки инноваций и приватности.

Ключевые слова: метавселенная; виртуальные миры; виртуальная реальность; дополненная реальность; право метавселенной; правовое регулирование; персональные данные; юрисдикция; цифровая идентификация.

OVAKANYAN L.K.,
Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Public Audit (Faculty), PhD Candidate,
Department of Computer Law and Information Security

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE METAVERSE: LEGAL CHARACTERISTICS

Annotation. The article expounds the conceptual foundations and legal nature of the metaverse as an integrated virtual space with continuous presence, where social, economic, and civic practices converge. Tracing the phenomenon's evolution, it analyzes the legal implications for personal data protection. It demonstrates how immersive biometrics, the continuous collection of sensor and behavioral data, and decentralized ledgers transform classical data-law categories. The approaches of the Russian Federation, the European Union, and the United States are compared: from fragmentary codification and a focus on digital sovereignty to the comprehensive adaptation of existing regulations and strategies, and the instrumental application of current law and supervisory tools. The article argues for dedicated legal institutions immersive consent, distributed responsibility to balance innovation and privacy.

Key words: metaverse; virtual worlds; virtual reality; augmented reality; metaverse law; legal regulation; personal data; jurisdiction; digital identification.

Понятие «метавселенная» восходит к роману Нила Стивенсона *Snow Crash* (1992), где оно описывало сеть взаи-

мозвязанных трёхмерных виртуальных миров для социального взаимодействия [1]. В современной научной дискуссии под метавселенной понимают

интегрированное виртуальное пространство с эффектом непрерывного присутствия, в котором пользователи действуют через аватары в совокупности синхронизированных 3D-сред. В противовес дискретной логике Web 2.0, метавселенная мыслится как целостная социально-экономическая экосистема, охватывающая транзакции, образование, труд, досуг и гражданское участие. Переход к этой иммерсивной модели предполагает масштабный, постоянный сбор сенсорных, биометрических и поведенческих данных, что делает вопросы правового регулирования информационной безопасности и обработки персональных данных системно значимыми.

Метавселенная за последние годы прошла путь от художественной метафоры к устойчивому междисциплинарному феномену, требующему собственного понятийного аппарата и правовой архитектуры. В российской правовой науке все более очевидно, что правовой анализ метавселенной не исчерпывается традиционными категориями «информационной системы», «сайта» или «онлайн-сервиса»: речь идет о совокупности цифровых сред, обеспечивающих непрерывное присутствие пользователей через аватары, персистентность состояний (сохранение результатов действий и владения), экономическую оборотоспособность цифровых объектов и сквозную идентичность при минимально необходимой интероперабельности платформ [2]. Такая операциональная дефиниция, во-первых, отграничивает метавселенную от обычных игр и социальных сетей, где отсутствуют персистентность и правовая значимость результатов, а во-вторых, позволяет соотнести новые практики с действующими нормами информационного и гражданского права, выявляя зоны, где требуется донастройка либо специальное регулирование [3].

Новизна и междисциплинарный характер метавселенной привели к тому, что правовое её определение и регулирование находятся в стадии формирования практически во всех юрисдикциях. В Российской Федерации пока отсутствует законодательно закреплённое определение «метавселенной», а правовое регулирование носит фрагментарный и неопределённый характер [4]. Однако осознаётся необходимость разработки специальных норм.

В частности, на уровне Совета Федерации высказывались предложения закрепить базовые понятия метавселенной в законодательстве, выработать правила государственного контроля за этими технологиями, а также обеспечить цифровой суверенитет – вплоть до ограничения неконтролируемой деятельности иностранных

метаплатформ, где зарубежные компании собирают и анализируют данные российских пользователей в своих интересах.

Отдельное внимание уделяется вопросам защиты персональных данных: в условиях роста утечек данных (за первое полугодие 2024 года в России было скомпрометировано около 986 млн строк персональных данных пользователей, что в 7 раз превышает население страны), что породило введение оборотных штрафов за утечки и порождает необходимость создать механизм компенсации вреда пострадавшим [4]. Эти инициативы нашли отражение в проектах поправок, направленных на усиление ответственности IT-компаний и установление специальных требований к виртуальным сервисам.

Таким образом, в Российской Федерации предпринимаются попытки нормативно определить метавселенную и связанные с ней отношения, исходя из приоритетов национальной безопасности (защита данных, борьба с противоправным контентом, недопущение иностранного влияния и монополизации цифровой среды).

Технический субстрат метавселенной предопределяет и состав данных, и конфигурацию рисков, и, следовательно, юридические режимы. Интерфейсы дополненной реальности непрерывно генерируют массивы сенсорно-поведенческих показателей: координаты и кинематику тела, направление взгляда, мимику, голос, особенности походки, сердечный ритм, а также изображения окружающей среды и людей. Значительная часть таких сведений прямо или косвенно коррелирует с физиологическими признаками и тяготеет к биометрическим персональным данным, а в ряде случаев — к особым категориям, что требует специальных правовых оснований и усиленных мер защиты (минимизация, шифрование, ограничение целей, отдельное согласие) [3]. Даже без формальной идентификации совокупность иммерсивных показателей образует устойчивый психофизиологический профиль субъекта: это усиливает риски профилирования и дискриминационных практик (например, ценовой персонализации по «эмоциональной реакции»), и, следовательно, стандарт прозрачности и справедливости обработки должен быть повышен по сравнению с эпохой Web 2.0 [5].

Персистентные 3D-миры функционируют на распределенной облачной инфраструктуре, телеметрия передается в реальном времени через высокоскоростные сети, что делает трансграничность обработки «режимом по умолчанию». Отсюда — классические коллизионные вопросы: применимое право, компетентная юрисдикция,

исполнимость предписаний регуляторов и судебных решений, а также соблюдение императивных ограничений на трансграничную передачу и локализацию персональных данных [6]. В российском контексте назрела необходимость нормативно закрепить экстерриториальные привязки (аналогично зарубежным подходам), распространяющие действие национального регулирования на обработку данных резидентов РФ при предоставлении услуг из-за рубежа, одновременно следует унифицировать договорные коллизионные оговорки для платформ и разработчиков контента, действующих в метавселенных, чтобы снизить транзакционные издержки правоприменения [7].

Социальная архитектура виртуальных миров многооператорна. Наряду с платформой и ее разработчиком действуют провайдеры облачной инфраструктуры и сетей доставки контента, разработчики независимых приложений, валидаторы блокчейна, создатели пользовательского контента и сами пользователи, которые могут выступать и как «продавцы» виртуальных товаров, и как участники управленческих процедур в децентрализованных автономных организациях. Классический образ «единого оператора» персональных данных оказывается редким исключением; на практике возникают сложные сетки совместного контроля и со-процессинга, где распределение целей и способов обработки плавают от сценария к сценарию [2]. В такой конфигурации необходимы: договорная конкретизация ролей (матрица ответственности), связность технических и правовых журналов действий, согласованные процедуры реагирования на инциденты и уведомления субъектов, а также доктринальное закрепление модели «кооперативного оператора», то есть совокупности лиц, совместно определяющих цели и способы обработки персональных данных посредством голосования и смарт-контрактов с предзаданными механизмами страхования и покрытия вреда [3]. Подобная конструкция уже обсуждается в российской доктрине киберправа применительно к квазисубъектам [8] и может быть адаптирована для иммерсивных экосистем.

Содержательная новация иммерсивной среды – «аватар» как узел прав и идентичностей. Аватар аккумулирует элементы имени, внешности, репутации и цифровых активов пользователя; вмешательство в его целостность (клонирование, имперсонация, захват учётной записи) причиняет вред нематериальным благам и имущественным интересам. Российское гражданское законодательство (ст. 150 ГК РФ) предоставляет перечень охраняемых нематериальных благ (честь, досто-

инство, деловая репутация), к которым доктринально возможно приравнять репутационную оболочку аватара, дополнив арсенал средствами блокировки и изъятия контрафактных 3D-моделей, восстановлением доступа и убытками [7].

Ключевой практический вопрос – как согласовать пользовательский опыт и виртуальную реальность с требованиями о прозрачности и осознанности волеизъявления. «Иммерсивное согласие» в отличие от «клик-согласия» эпохи веб-страниц должно быть контекстным (в появляющемся на событие всплывающем слое), модульным (по категориям данных и целям), обратимым (с возможностью «паузы» обработки), визуально понятным и не нарушающим безопасность использования (без необходимости снимать гарнитуру и выходить из сессии). В архитектуру согласия следует встроить телеметрию доступа («кто», «когда», «к чему» обращался), простые механизмы управления (переключатели в пространстве интерфейса) и прослеживаемость изменений, что будет соответствовать принципам прозрачности и подотчетности. При этом для детей и иных уязвимых групп должен действовать особый режим: минимизация сбора, запрет поведенческой рекламы, повышенные требования к проверке возраста при минимальной обработке биометрических персональных данных [9].

Юрисдикционные и процессуальные аспекты требуют сочетания публично-правовых и частноправовых инструментов. С одной стороны, оправданно закрепление экстерриториальных привязок для защиты резидентов РФ при обработке их данных в зарубежных метавселенных; с другой – необходим набор договорных оговорок [7]. Параллельно имеет смысл развивать саморегулирование (кодексы поведения-разработчиков метавселенной, отраслевые стандарты безопасности носимых устройств и телеметрии) и сертификацию (оценка соответствия интерфейсов согласия и протоколов безопасности), позволяя бизнесу опережать жесткое регулирование в части технических деталей.

Соотнесенность предлагаемых подходов с действующим российским правом показывает, что Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» уже содержит фундаментальные принципы – законность, соразмерность, безопасность, ограничение цели и срока хранения, права субъекта. Однако для иммерсивной среды недостаточны общие формулы «биометрических персональных данных» и «автоматизированной обработки»: требуется выделение «иммерсивных данных» как подкатегории с особыми гарантиями; спецификация оснований (явное и контекстное

согласие), процедур оценки рисков для высокорисковых функций (например, отслеживание взгляда, эмоциональная аналитика), установление запретов на вторичное использование вне совместимых целей (прежде всего – на дискриминационные практики ценообразования)¹. Дополнительно потребуются ориентиры для интероперабельности и переносимости (право на перенос аватара, инвентаря, социальных графов между совместимыми платформами в машиночитаемых форматах), что снизит риск платформенной монополизации и «замыкания» пользователей в закрытых экосистемах [2].

Отдельного внимания заслуживает институционализация распределенной ответственности. Наиболее прагматичным видится двухконтурный подход. В частнопроводном контуре – типовые матрицы ролей, договорные обязательства по реагированию на инцидент, страховые механизмы покрытия вреда, техническая подотчетность (журналы доступа и изменений). В публично-правовом – установление требований к высокорисковой обработке персональных данных (обязательное проведение оценки рисков, уведомительные и разрешительные процедуры), механизмы координации с регуляторами при трансграничных инцидентах и стандарты прозрачности модерации и автоматизированных решений [3]. Для метавселенной следует предусмотреть презумпцию «кооперативного оператора» с возможностью доказать иное распределение ролей, если иные участники фактически не определяют цели и способы обработки.

Системный эффект описанных мер – постепенное формирование российского права метавселенной, способной сбалансировать инновации и защиту прав. Ее контуры: (1) легальная дефиниция «метавселенной», опирающаяся на признаки персистентности, непрерывного присутствия, экономической оборотоспособности и интероперабельности; (2) особые режимы «иммерсивных данных» и запрет отдельных высокорисковых практик обработки персональных данных (эмоциональная аналитика в целях дискриминационного таргетинга, ценообразования); (3) «иммерсивное согласие» как стандарт; (4) распределенная ответственность с матрицей ролей и журналами подотчетности; (5) права на переносимость и интероперабельность, стимулирующие конкурентность и предотвращающие «запирание»; (6) усиленная защита детей и уязвимых групп на основе принципа приватности. Такая рамка человекоцентрична и технологически нейтральна: она не замо-

раживает инновации конкретной технологией, а задает устойчивые цели и принципы, оставляя бизнесу пространство для конкретных инженерных решений.

В сумме, эволюция от «виртуальной экзотики» к повседневной иммерсивной среде делает правовую работу с метавселенной не факультативной, а насущной. Российская правовая система располагает достаточным базисом, чтобы, оставаясь технологически нейтральной, выстроить человекоцентричный режим: дополнить Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» особыми положениями об иммерсивных данных, зафиксировать дефиницию метавселенной и «тест отнесения», признать гибридные способы исполнения права на стирание в неизменяемых реестрах, институционализировать распределенную ответственность и поощрять интероперабельность. Это позволит укрепить защиту прав и свобод личности, снизить неопределенность для бизнеса и обеспечить предсказуемость правопорядка в грядущих виртуальных экосистемах.

Список литературы:

- [1] Judy Joshua. Information Bodies: Computational Anxiety in Neal Stephenson's Snow Crash. *Interdisciplinary Literary Studies*, 19(1):17–47, 2017. Publisher: Penn State University Press.
- [2] Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // *Правоведение*. — 2013. — № 2. — С. 93–114.
- [3] Батурин Ю. М., Полубинская С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // *Труды Института государства и права РАН*. — 2018. — Т. 13, № 2. — С. 9–35.
- [4] А. Шейкин. От виртуального к реальному: законодательное регулирование метавселенных — ключ к устойчивому развитию. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ot-virtualnogo-k-realnomu-zakonodatelnoe-regulirovanie-metavselennykh-klyuch-k-ustoychivomu-razvitiyu.html>
- [5] Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // *Труды по интеллектуальной собственности*. — 2023. — Т. 44, № 1. — С. 47–57.
- [6] Копылов В. А. Информационное право: учебник. — М.: Юрайт, 2022. — 512 с.
- [7] Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex Russica*. — 2016. — № 3. — С. 164–182.
- [8] Чубукова С. Г. Квасисубъекты в киберправе // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2023. — № 2 (102). — С. 53–61.
- [9] Лопатин В. Н. Правовая информатика. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. — 560 с.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.). С. 3451

References:

[1] Judy Joshua. Information Bodies: Computational Anxiety in Neal Stephenson's Snow Crash. *Interdisciplinary Literary Studies*, 19(1):17–47, 2017. Publisher: Penn State University Press.

[2] Arkhipov V. V. Virtual'noe pravo: osnovnye problemy novogo napravleniya yuridicheskikh issledovanij // *Pravovedenie*. — 2013. — № 2. — S. 93–114.

[3] Baturin YU. M., Polubinskaya S. V. Chto delaet virtual'nye prestupleniya real'nymi // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. — 2018. — T. 13, № 2. — S. 9–35.

[4] A. Shejkin. Ot virtual'nogo k real'nomu: zakonodatel'noe regulirovanie metavselennykh — klyuch k ustojchivomu razvitiyu. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ot-virtualnogo-k-realnomu-zakonodatelnoe-regulirovanie-metavselennykh-klyuch-k-ustojchivomu-razvitiyu.html>

[5] Evsikov K. S. Metavselennye kak novyj ob'ekt regulirovaniya dlya informacionnogo prava // *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti*. — 2023. — T. 44, № 1. — S. 47–57.

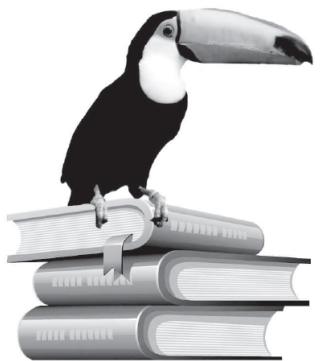
[6] Kopylov V. A. Informacionnoe pravo: uchebnik. — M.: Yurajt, 2022. — 512 s.

[7] Fedotov M. A. Konstitucionnye otvety na vyzovy kiberprostranstva // *Lex Russica*. — 2016. — № 3. — S. 164–182.

[8] Chubukova S. G. Kvazisub'ekty v kiberprave // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYU)*. — 2023. — № 2 (102). — S. 53–61.

[9] Lopatin V. N. *Pravovaya informatika*. — SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2011. — 560 s.





Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru